

ЕЛЕНА ИВАНОВА

КОДЫ НА СТЕНАХ

Истории, которые откликаются в сердце

Тайные муралы Еревана.
Найдите их в городе и в этой книге

Коды на стенах

Елена Иванова-Дзор

**Коды на стенах. Истории,
которые откликаются в сердце**

«Автор»

2026

Иванова-Дзор Е.

Коды на стенах. Истории, которые откликаются в сердце /
Е. Иванова-Дзор — «Автор», 2026 — (Коды на стенах)

Есть города, которые показывают себя сразу, но есть такие, как Ереван, которые нужно разгадывать. На стенах старых домов, в узких проходах между кафе, за неприметными арками живут муралы, которые не ищут зрителя. Они тихо ждут того, кто остановится, посмотрит внимательнее и почувствует в идее художника какую-то свою историю. Каждый мурал здесь — встреча, которая не должна была случиться, или память, которая не отпустила, или чувство, которое хранилось в памяти и вдруг выплеснулось наружу. Самое удивительное, что все эти муралы реально существуют в Ереване. Но вы не найдёте их случайно. Они спрятаны во дворах, в переходах, в местах, куда не ведут туристические маршруты. Их нельзя найти на карте, их находят по ощущению. Или по подсказке. Если вы захотите увидеть их своими глазами, напишите мне. Я подскажу, где искать. Откройте эту книгу как прогулку. Читайте медленно, смотрите между строк. И, возможно, в какой-то момент вы поймаете себя на мысли: «Ведь эта история про меня».

Елена Иванова-Дзор

Коды на стенах. Истории, которые откликаются в сердце

Дождь на бульварах

Мы стоим у этой стены и вдруг попадаем в дождливый Париж. Вдали Триумфальная арка, люди идут под дождем, это написано широко, свободно, в духе импрессионистов. Именно так и выглядят вещи, которые помнятся очень долго, картинка чуть размыта по краям, но с абсолютно точным светом в центре.

Посмотрите в левую часть этого мурала. Видите? Немного в стороне от основной толпы идут две фигуры, мужская и женская. Хотя и под разными зонтами, но становится понятно: идут рядом, но не совсем вместе, как будто только что встретились и ещё не решили, в какую сторону идти.

Я знаю, кто это нарисовал. Его зовут Ваге. Живёт здесь, неподалеку, и его соседям известна его история о поездке в Париж. Он ей поделился с друзьями, а в Ереване каждый житель кому-нибудь друг, и история быстро разошлась по соседям. Он говорил им: «Там у меня произошла странная, почти мистическая встреча. И я до сих пор не уверен, было ли это случайно, или вмешалось Провидение».

Об этой встрече мне и рассказали. Вот его история.

Ваге первый раз поехал в Париж весной 2001 года. Ему было двадцать восемь, недавно закончил ереванское художественное училище, участвовал в нескольких выставках молодых художников, которые прошли почти незамеченными. Было у него ощущение, что он рисует правильно, но где-то есть другой, свой язык красок, которого он ещё не нашёл.

Ему повезло – выиграл стипендию какого-то культурного фонда для поездки в Париж на две недели. Условия спартанские: крошечная комната в отеле 13-го округа со скудным завтраком. Он взял с собой два альбома для эскизов, набор карандашей и почти не взял денег, потому что не было лишних. Но он планировал не тратить, а смотреть.

В первый же день, даже не распаковав чемодан, он пошёл на бульвары, названия которых выучил давно.

Бульвар Осман, бульвар Капуцинов, бульвар Итальянцев.... Он шёл и шёл, не глядя на карту, потому что карта мешает смотреть, и рисовал прямо на ходу. Он останавливался у витрин и фонарей и быстро рисовал легкие наброски, схватывая этот изгиб зонта, этот свет от витрины на мокром асфальте и мужской силуэт в длинном пальто под весенним дождем.

К полудню в альбоме уже было страниц двадцать.

И вдруг резко налетел ветер.

Настоящий парижский ветер с бульваров – это отдельное существо. Он не предупреждает, а резко выпрыгивает из-за угла, подхватывает всё, что плохо лежит, и уносит с совершенно безразличным видом.

Ваге как раз открыл альбом на новой странице и начал набросок: Триумфальная арка в дымке, люди перед ней маленькие и тёмные, как точки. Но порывом ветра альбом вырвало из рук, и страницы с набросками полетели по бульвару.

Он бросился их собирать. Люди безразлично шли мимо, огибали его, кто-то наступил на один лист, не заметив рисунка. Несколько листов улетело под машины. А он стоял посреди бульвара на коленях, собирал свои рисунки с мокрого асфальта, проклиная парижскую погоду и этот ветер, укравший часы его работы.

Потом Ваге увидел руку.

Женская рука держала три наброска, которые улетели дальше всех и которые он уже не рассчитывал найти на мокрой улице. Он поднял глаза...

Она была чуть старше него. Стояла пред ним в своем сером пальто, с зонтом, который ветер уже наполовину вывернул, и смотрела на листы в своей руке с тем выражением, с которым смотрят на что-то неожиданно хорошее.

Потом сказала ему что-то по-французски. Но он не понял: французского не знал совсем. Тогда он попробовал по-английски, и она тоже. Спросила медленно, с акцентом, но вполне понятно:.

– Это вы нарисовали?

– Да.

– За сегодня?

– За утро.

Она внимательно рассмотрела все эскизы и подняла глаза на него.

– Пойдёмте. Здесь рядом есть кафе.

Её звали Сильви. Она преподавала историю искусств в Сорбонне и ходила по бульварам каждый день в обеденный перерыв, потому что считала, что лучшего способа думать, чем прогулка по весенним бульварам, не существует. Обычно она гуляла по бульвару Сен-Мишель, рядом с университетом, среди студентов и букинистов. Но в тот день ей захотелось другого: она перешла через Сену и оказалась на правом берегу, на Больших бульварах, куда заходила редко.

В тот день она шла и думала про импрессионистов, про то, как Писсарро и Моне писали именно эти бульвары, с верхних этажей и прямо с тротуара, в любую погоду, не дожидаясь, пока станет красиво. А потом увидела странные рисунки, которые ветер принес к ее ногам, и молодого художника, лихорадочно собирающего их с мокрого тротуара.

Она высушила его эскизы салфетками и разложила на столике. Потом рассматривала долго, молча, каждую деталь, как будто была на выставке.

Потом сказала Ваге: «Вы рисуете как человек, который видит впервые. Это редкость – увидеть такие знакомые бульвары под вашим углом зрения.»

Он не знал, что ответить. И тогда сказал первое, что пришло в голову: «Я и правда вижу впервые. Я первый раз в Париже».

Она внимательно и изучающе посмотрела на него. «Тогда вам повезло», – сказала она. – «Первый раз бывает только один».

В тот день они проговорили на ломаном английском три часа, с каждой минутой понимая друг друга все лучше, по мимике и жестам. Она даже отменила лекцию: позвонила, извинилась, но осталась с ним в кафе. А он забыл про обед.

Она говорила про импрессионистов так, как говорят про живых людей: с раздражением на их ошибки и с нежностью к их странностям. Про Писсарро, который писал бульвар Монмартр снова и снова, в разное время дня и года, потому что хотел поймать что-то, что постоянно ускользало от него. Про Моне, который под конец жизни почти ослеп, но продолжал писать, и, смотря на холст своим внутренним зрением художника, именно тогда написал лучшие свои холсты.

Ваге слушал и понимал, что нашёл в ее словах, что искал на родине. Это было разрешение писать то, что ускользает. Потом, уже за вторым кофе, когда разговор стал тише и свободнее, она спросила, откуда он приехал.

«Я – из Армении. Живу в Ереване».

Сильви поставила чашку, помолчала, а потом сказала то, чего он не ожидал.

«Моя семья тоже из Армении. Но не из Еревана, а из Вана».

История её семьи была из тех, о которых не говорят вслух, потому что слова не могут выразить весь пережитый ужас и боль нескольких поколений.

В 1915 году её прадед с семьёй бежал из Вана. Ван тогда был одним из главных армянских городов Западной Армении, и одним из первых, где начался геноцид. Ванские армяне держали оборону почти месяц, но когда русские войска ушли, турки вошли в город и вырезали тех, кто не успел уйти. Но семья Сильви успела. Бежали ночью, через горы, неся годовалых детей на руках. Из большой семьи до Франции тогда добрались только четверо. Сначала были в Марселе, потом перебрались в Париж. Бабушка Сильви всю жизнь говорила по-армянски дома, готовила армянскую еду и держала на полке маленькую фотографию Вана, сохраненную прадедом у сердца.

«Она не любила рассказывать», – сказала Сильви тихо. – «Я понимала, что спрашивать не надо. Но однажды она сказала мне: отец рассказывал, что семья уходила ночью. Самых младших детей было двое: я и моя сестра Анаит. Не знали, куда бежать, и кто дойдет живым. Семья разделилась у реки. Брат отца взял Анаит и пошёл другой дорогой. И мы больше никогда её не увидели, даже не знали, удалось ли им дойти».

Она замолчала. За окном шёл дождь.

«Бабушка умерла 15 лет назад. Она до последнего надеялась что-нибудь узнать, ведь в России начиналась перестройка, и «железный занавес» начал приоткрываться».

Ваге слушал и чувствовал что-то странное, будто история, которую ты слышишь впервые, почему-то кажется знакомой.

– Какая была девичья фамилия вашей бабушки? – спросил он.

– Казарян».

Он помолчал.

– У меня есть двоюродная тётя», – сказал он медленно.

– Её мать, Анаит Казарян, попала в Армению из Вана.

Сильви показалось, что она ослышалась, потому что услышанное было совершенно неверно.

Они достали бумагу и начали восстанавливать по памяти имена, даты, города. Промежуток почти в столетие, который невозможно перепрыгнуть одним разговором, но можно начать перебрасывать через него ниточки. Через час у них было несколько совпадающих имён и один общий факт – река, у которой в 1915 году разделилась семья Казарян.

Конечно, это могло быть случайностью. Но Париж – это город, в котором живет чудо, и это знают все, потому так стремятся его увидеть.

В конце Сильви сказала: «Я понимаю, что это почти невозможно, столько лет прошло. Но если вдруг... Если вы когда-нибудь что-то узнаете».

Голос у неё был ровный. Но руки, когда она передавала Ваге свой адрес на листке, вырванном из ее потрепанной записной книжки, чуть дрожали. Ваге бережно взял записку, сложил вчетверо и убрал во внутренний карман, туда, где не потеряется.

«Я поищу», – ответил он просто.

На улице дождь еще не прекратился. Бульвар за окном кафе блестел, люди шли с зонтами, начали зажигаться вечерние фонари. Ваге открыл новый альбом и начал рисовать по памяти: бульвар в окне, дождь, силуэты. Триумфальная арка в глубине едва проступает сквозь серость дня.

Сильви смотрела, как уверенно бегают его карандаш по альбомному листку. Закончив, он положил рисунок перед ней. Она долго всматривалась в него, а потом аккуратно сложила лист и убрала в свою сумку.

Выйдя на бульвар, они вдруг обнялись, так, по-парижски, когда расстаются давно знакомые или близкие люди. Потом разошлись: она пошла налево, он направо. Но вдруг обернулись одновременно и засмеялись, без причины, просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.